

УДК 811.1/8

DOI 10.17223/19986645/37/9

И.В. Тубалова

СТИЛЬ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСОВ КАК СФЕРА ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОДИСКУРСИВНЫХ СТИЛЕВЫХ ВЛИЯНИЙ

В статье рассматривается специфика стиля повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсов, заданная реализацией инодискурсивных речевых форм. Дискурсивно-стилистические различия определяются положением в дискурсе обыденного человека как его участника, для которого вступление в дискурс может носить либо рутинный, привычный характер, либо иметь характер непривычной, исключительной речевой деятельности, основанной на нарушении регулярного режима общения.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный стиль, личностно-ориентированный дискурс.

В современной лингвистике наиболее общее функциональное понимание стиля представляет его как вербальный результат «когнитивных процедур обработки знаний» [1. С. 35]. Такое понимание находит особое уточнение в понятиях «стиль функциональный» (как социально обусловленный характер речи), «стиль автора» (как индивидуальная манера организации речи) и др.

При рассмотрении текста в качестве результативного речевого компонента дискурса внимание фокусируется на отражаемых в нем результатах обработки знаний, заданных особой дискурсивной интенциональностью и организованных как дискурсивная картина мира – «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» [2. С. 26]. Объектом исследования при таком подходе становится **дискурсивный стиль**.

Цель данной статьи – представить специфику стиля личностно-ориентированных дискурсов, заданную реализацией в нем инодискурсивных речевых форм. К анализу привлекались записи устной разговорной речи в объеме более 1500 текстов (ссылки на цитируемые источники прилагаются).

Дискурсивный стиль формируется на основании действия определенных дискурсивных стратегий организации текста, которые «дают возможность пользователям языка производить выбор между альтернативными способами выражения примерно одного и того же значения; выбор осуществляется с учетом типа текста и контекстуальной информации (тип ситуации, уровень неформальности общения, типы участников и характер общих целей)» [3. С. 21].

В аспекте дискурсивной обусловленности организации речевой формы исследуются тексты различных дискурсивных сфер, ограниченных различными подходами к их анализу: медийного ([4, 5] и др.), политического ([6, 7] и др.), праздничного [8], научного ([9, 10] и др.), фольклорного [11] и других дискурсов.

Термин «стиль» как результативная сторона социальной обусловленности речи в отечественной лингвистике в первую очередь связан с традицией его по-

нимания как «стиля функционального» (В.В. Виноградов, Т.Г. Винокур, Д.Н. Шмелев, М.Н. Кожина и др.). Подобное понимание стиля частично сближается с позициями дискурс-анализа: функциональная стилистика направлена на изучение закономерностей употребления языка в разных сферах и ситуациях общения, при этом внимание акцентируется на обращенности к **внешним условиям формирования речи** [12]. Но все же данные методологические установки качественно различаются, что вызывает активную потребность у отечественных исследователей соотнести обозначенные подходы [2, 5, 9, 13–22 и др.].

Концепция стиля, приближенная к пониманию дискурса как совокупности текстовых манифестаций социальных структур данного общества (М. Фуко), сформировалась в отечественной стилистике, развивавшейся до определенного времени в отрыве от западной теории дискурса, и восходит к работам В.В. Виноградова.

Функциональный стиль может быть рассмотрен в категориях дискурс-анализа в качестве особого **социально** обусловленного типа организации речевой структуры. При этом функциональная стилистика обращается к качествам самой речевой формы, являющейся носителем социально значимого смысла. В рамках дискурс-анализа текст рассматривается в «перспективе *субъекта*, его порождающего» [2. С. 38], внимание фокусируется на выборе способов организации речевой формы конкретным участником дискурса, на дискурсивной интенциональности текстопорождения, обнаруживается значимость взаимодействия «*социальной и ситуативной обусловленности формирования смыслов (картин мира)*», а также моменты проблемности прочтения смыслов дискурса» [Там же. С. 39].

Стиль дискурса, являющийся результатом выбора его субъектом средств и способов организации речи, формируется (1) на основании **дискурсивной интенции, условий и ролевой структуры общения** – как результат конкретно-деятельностной обусловленности и (2) на основании **опыта** участия **субъекта** в практиках других дискурсов – как результат реализации его инодискурсивного речевого опыта.

Указанные ракурсы формирования стиля дискурса качественно взаимодействуют. Стиль дискурса представляет стереомодель, в которой смыслы, диктуемые протекающим «здесь и сейчас» ситуационным (по Т. ван Дейку) дискурсом, взаимодействуют со смыслами речевых фрагментов, синтезированных в иных ситуационных дискурсах, на основании дискурсивной интенции, условий и ролевой структуры общения.

Таким образом, стиль дискурса, дискурсивная системность речевой формы создается в соответствии с внешними по отношению к ней дискурсивными факторами, которые в рамках конкретно-речевой деятельности субъекта определяют выбор речевых фрагментов и их организацию. Смысловая нагруженность и характер использования этих фрагментов, хранящихся в доречевых структурах памяти, усвоены им из опыта участия в других дискурсах.

Опыт участия в других дискурсах, с одной стороны, уникален для каждого субъекта (что определяется конкретно-коммуникативными условиями его получения), а с другой – социален (что определяется этнокультурными факторами существования языкового коллектива). В процессе конкретно-дискурсивного переживания речевой формы социальные компоненты опыта

индивидуализируются, в результате чего формируется особый **стиль ситуационного дискурса**. Его системно-структурирующим основанием является особый дискурсивный код, обеспечивающий коммуникативное взаимодействие. Этот код на основании дискурсивной и субъектной интенциональности перерабатывает и включает кодовые элементы социальных дискурсов («дискурсных формаций», по М. Фуко).

Рассмотрим пример: *И. ...и меня э... Вахтанг Иванович Мchedлов/ готовил/ в/ дублирии Тарасовой/ которая была премьершей/ в молодежном с... спектакле/ «Зеленое кольцо»// Имевшем тада большой успех// Но тут подоспело/ воззвание партии и правительства/ к молодежи/ заменить/ пустовавших/ э-э... учителей начальной школы// – М. Угу// – И. И/ я/ принесла такую жертву революции/ я бросила Художественный театр/ с почти готовой ролью/ и пошла/ учить детей// Я была такая дура/ но что с меня взять/ мне еще/ было восемнадцать лет// [23]. Ситуационный личностно-ориентированный дискурс допускает использование речевых форм, выработанных в практиках институционального политического дискурса в соответствии с его интенциональностью (*воззвание партии и правительства/ к молодежи; принести жертву революции*). В советском политическом дискурсе-источнике эти речевые формы являются носителями позитивнооценочного содержания, выражая приверженность советской идеологии в соответствии с особым дискурсивным эмоциональным пафосом. Субъект рассматриваемого дискурса, реализуя ироническую интенцию, подвергает содержание отмеченных речевых форм аксиологической переориентации. Кодовые элементы стиля советского политического дискурса подвергаются трансформации, подчиняясь речевой системности стиля дискурса ситуационного.*

Обращение к социальным основам дискурсивного кода, определяющего стиль конкретно-дискурсивной деятельности, возвращает к идее соотнесения теории дискурсивного стиля с функционально-стилистической теорией, различающей и устанавливающей взаимоотношения между «функциональным стилем языка» и «стилем речи». З.И. Резанова, интерпретируя соотношение терминов «дискурс» и «функциональный стиль» в указанных терминологических сочетаниях, определяет данное соотношение следующим образом: «Стиль языка – это тип кода, используемый в дискурсах. Стиль речи – тип текстовой структуры, являющийся результатом определенного типа дискурсивной деятельности» [2. С. 38].

Таким образом, в рамках дискурс-анализа следует учитывать наличие особых **стилей социальных дискурсов**, вырабатывающих принципы организации речевой формы, отвечающие их социальной интенциональности, а также **стилей ситуационных дискурсов**, определяющих принципы организации речевой формы в соответствии с ситуативной интенциональностью и перерабатывающих социальные дискурсивные коды.

Социальные дискурсы (дискурсные формации) в своей кодовой системе содержат речевые фрагменты, получающие стабильное смысловое содержание, образуемое типом социальной интенции. Эти единицы составляют систему **стилистических ресурсов социальных дискурсов** и при трансляции в инодискурсивные сферы, с одной стороны, сохраняют статус **стилистических знаков** дискурса-источника, а с другой – используются в соответствии с

требованиями конкретно-ситуативной субъектной интенции, обеспечивающей определенные смысловые трансформации.

Формирование стиля ситуационного дискурса осуществляется субъектом дискурса на основании **«образа правильной речи»** [16. С. 175] – когнитивной категории, отражающей его представления о том, как следует говорить в данной ситуации с данным собеседником на данную тему. С позиций дискурс-анализа наличие такого представления рассматривается как результат адаптации его дискурсивного опыта к условиям ситуационного дискурса. Его реализация проявляется в **выборе** речевых средств, хранящихся в эпизодической памяти говорящего, их особой **организации**, «установлении некоторой формы стилистической связности» [3. С. 21]. Это отражает воплощение речевой кодификации на уровне **этносоциальных систем** (стилистические ресурсы дискурсных формаций) и на уровне **конкретно-коммуникативном** (стиль ситуационного дискурса).

Таким образом, **стиль дискурса** – это характер организации речевой формы дискурса, формирующийся в процессе деятельности его участника на основании образа правильной речи, заданного взаимодействием интенций ситуационного и социального дискурса.

Стиль личностно-ориентированных дискурсов отражает специфику внеинституционального общения.

Обращение к дискурсивным основам внеинституционального существования человека, к анализу разговорного стиля речи проявилось в ряде западных работ в 70-е гг. XX века (например, [24, 25]) и – в эти же годы – в отечественных исследованиях разговорной речи (работы Т.Г. Винокур, В.Д. Девкина, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Е.Н. Ширяева, Л.А. Капанадзе, Н.Н. Розановой, Е.В. Красильниковой, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и др.), в социальной психологии и психолингвистике (см. работы Л.С. Выготского, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева и др.).

Специфические характеристики внеинституциональных дискурсов нашли отражение в работах [13, 14, 16, 26, 27, 28, 29, 30] и др.

Несмотря на интенциональную неоднородность, политематичность, полисубъектность личностно-ориентированных дискурсов, открывающие их границы для инодискурсивных стилевых влияний, их речевая форма представляет собой определенное стилистическое единство; результаты этих влияний подчиняются ситуационной дискурсивной интенциональности.

Дискурсы рассматриваемого типа в рамках социолингвистического подхода В.И. Карасик определяет как **личностно-ориентированные**, противопоставленные дискурсам институциональным [13], и это противопоставление является при анализе дискурсов такого типа определяющим. Фактор институциональности оказывает стабилизирующее воздействие на дискурсы (часто условия общения в рамках институциональных дискурсов оговариваются специально в различных предписаниях, законах, инструкциях, руководствах и под.). Индивидуально-личностная коммуникация же характеризуется принципиальной открытостью границ. В ее рамках действуют стереотипные дискурсивные правила, основанные на практическом опыте участников общения, отработанные в данном национально-культурном сообществе и освоенные ее субъектами индуктивным способом.

Стиль личностно-ориентированных дискурсов формируется как результат действия экстралингвистических дискурсивных факторов – условий общения, его ролевой структурой, спецификой дискурсивной картины мира, которые, в свою очередь, определяются интенциональной спецификой личностно-ориентированной коммуникации, в целом направленной на внеинституциональное общение как таковое.

Условия общения, дифференцирующие институциональные и личностно-ориентированные дискурсы по уровню его формальности, определяют, соответственно, и уровень формальности их речевой составляющей.

Шкала формальности общения, дифференцирующая его по степени внешней – внесубъектной, социально-дискурсивной – обусловленности, реализуется и в дифференциации стилистических принципов институциональных и личностно-ориентированных дискурсов.

Речевой форме личностно-ориентированных дискурсов «свойственны меньшая структурированность, эллипсис, повторы слов, хезитации, более высокий темп и ритм речи, а значит, меньшая длина ее единиц, тематическое разнообразие, снижение уровня когезии и т.д.» [16. С. 212].

Граница между личностно-ориентированной и институциональной сферой на этой шкале определяется, во-первых, степенью допустимости выбора элементов и способов организации речевой формы (для институциональных дискурсов заданной соответствующей интенцией); во-вторых, консолидирующим/ситуативным характером обоснования этого выбора (институциональные дискурсы предполагают относительное единство дискурсивного стиля – личностно-ориентированные дискурсы более разнообразны в стилистическом проявлении).

Более низкая, чем в институциональных дискурсах, формальность речевой составляющей личностно-ориентированных дискурсов, проявляется в отсутствии внешней заданности использования речевых средств формального общения. В институциональных дискурсах каждый их социальный тип формирует специфические средства стилистической формальности: например, специфические речевые конструкции, термины и им подобные средства, обязательные в дискурсе документа. В личностно-ориентированных дискурсах использование подобных средств допустимо, но не обязательно.

Открытость информационного содержания (как свойство **дискурсивной картины мира**) личностно-ориентированных дискурсов, нейтрализация институционально-ролевых позиций его участников определяют возможность изменения функции речевых форм, произведенных в институциональных дискурсах с целью трансляции институционально значимого содержания (тематически обусловленные номинации производственной сферы, в том числе обладающие общеупотребительными аналогами, конструкции, выражающие специфику институционально-ролевого распределения: *Прошу решить мне...*; *К NN (дата) необходимо представить...* – и т.п.). В личностно-ориентированном общении использование обозначенных речевых форм определяется ситуационно-дискурсивными и субъектными интенциями. В результате их функции могут быть как трансформированы на основании институционально заданных, так и кардинально изменены.

Так, функция маркирования тематической специфики институционально значимого предмета обсуждения при «добровольном» использовании таких речевых форм субъектом внеинституционального общения может быть расширена за счет функции повышения статуса его речевого произведения, реализующего особый статус темы общения и позиции говорящего: *Я не могу себе представить/ чтобы **люди** / **администрация президента** / да и сам президент добровольно **сложили** с себя все **полномочия** / как бы ушли в сторону* [31]. В данном примере выделенные речевые формы, заданные институционально значимой тематикой личностно-ориентированного общения, используются в контекстуальном взаимодействии с речевыми формами, общепотребительными и разговорными (*люди – администрация президента; сложили... полномочия – как бы ушли в сторону*). Их функция – маркирование «осведомленности» говорящего, реализация его субъектной интенции, но не интенции дискурсивной, не требующей экспликации стилистических средств формальности.

Кардинальное изменение функции институциональных речевых форм проявляется, например, при их использовании вне заданной источником тематики общения. Так, институционально заданные речевые формы достаточно активно используются субъектом личностно-ориентированных дискурсов для реализации шутливо-иронических интенций: *В. Бабушка с нами живет// Да она **зас** пошла... она у нас... **общественный деятель**/ Л. Да? В. **Общественный деятель** большой/ да// То она идет на... на совет пенсионеров/ то она идет в кружок/ то она идет в библиотеку... **помогать**/ **зас** вот она на кружке/ как раз **вышивальном**// [32] // [В ответ на критику недошитого платья]: Сама просила «**примерь-примерь**», а слова **доброе** от тебя не услышишь! Это, между прочим, только **демонстрационная версия**, в **конечном продукте** я буду неотразима! (РРТ*)*.

Отсутствие прямой ориентации на общественные институты определяет неомогенность дискурсивной структуры личностно-ориентированных дискурсов. Совокупность личностно-ориентированных дискурсов рассматривается, с одной стороны, как единая сфера общения, противопоставленная институциональным сферам, а с другой – как палитра конкретных коммуникативных ситуаций, которые, в свою очередь, могут быть объединены в особые классы, каждый из которых характеризуется спецификой стиля.

Сложность внутренней организации личностно-ориентированных дискурсов определяется множественностью дискурсивных целей и локальностью их характера [16. С. 175]. В перспективе субъекта стиль ситуационного дискурса регулируется типом субъектной интенции, преломляющей национально-культурно обусловленные принципы повседневного общения, усвоенные говорящим.

Характер реализации субъектной интенции определяется положением в дискурсе его субъекта, для которого вступление в дискурс может либо носить **рутинный, привычный** характер, либо иметь характер **непривычной, ис-**

* РРТ – здесь и далее: записи текстов городской разговорной речи, сделанные в г. Томске и Томской области в 2003–2014 гг. автором, а также студентами в рамках учебных практик (2008–2015 гг.).

ключительной речевой деятельности, основанной на нарушении регулярного режима общения.

Коммуникация, протекающая в привычном либо непривычном для ее участника русле, формирует особые дискурсы, что определяет специфику их стиля. Дискурсы, привычные для обывденного человека, в которые он вступает регулярно, мы определяем как **повседневные**, а дискурсы непривычные, исключительные для него – как **неповседневные**.

Характер реализации целей субъектов дискурсов, реализуемых в обозначенных коммуникативных сферах, различается.

В повседневных дискурсах «наличные цели» субъектов направлены на поддержание отработанного порядка дискурса, что обеспечивает его протекание по относительно стабильным моделям.

В сфере институционально нерегулируемой неповседневной дискурсной деятельности, участвуя в реализации непривычного для него сценария общения, субъект вынужден дополнительно искать пути восстановления дискурсивного порядка.

В процессе реализации интенций неповседневного общения, пытаясь «удержаться» в дискурсе, субъект испытывает особые трудности, в том числе в связи с отсутствием «речевой безопасности» (как возможности свободного, раскованного производства речевой формы).

Несмотря на единство стилистической организации речевой формы личностно-ориентированного общения (противопоставленной в этом аспекте речевой форме дискурсов институциональных), стиль личностно-ориентированных дискурсов не монолитен. Стилистические принципы повседневных и неповседневных дискурсов рассматриваемого типа различаются.

Рассмотрим специфику **внутренней дифференциации** стиля личностно-ориентированных дискурсов в аспекте реализации в нем **инодискурсивных стиливых влияний**.

Внутренняя стилистическая неоднородность текстовых форм личностно-ориентированных дискурсов мотивируется многообразием **локальных дискурсивных целей**, в свою очередь определяющих (1) **условия** и (2) **ролевую организацию** общения, характер (3) **информационного содержания** дискурса.

Стиль **повседневных** личностно-ориентированных дискурсов характеризуется отработанностью принципов организации речевой формы.

(1) **Условия общения** в повседневных дискурсах характеризуются признаком комфортности, который в личностно-ориентированных дискурсах определяет низкий уровень формальности общения и, соответственно, неформальность стиля. Кроме того, комфортность общения определяет снижение уровня речевого контроля, также выступающего как фактор стиливого своеобразие.

Образ правильной речи, формируемый субъектом повседневного дискурса, допускает максимальную свободу в выборе речевых средств, активность реализации субъектных интенций при их использовании. Речевая организация повседневных дискурсов не только допускает использование речевых форм самых различных дискурсов (как проявление общего свойства стиля личностно-ориентированных дискурсов любого типа), но и наиболее часто подвергает речевые средства дискурсов, соответствующих более высокому уровню формальности, функциональной трансформации, отражающей

специфику ситуативной субъектной интенции: [А, жен, 40] Дома иногда говорят по-английски сыновья. Там очень много об искусстве разговоров / литературе и всего всего прочего. [Б, жен, 30] Угу. [А, жен, 40] И **руководство** все мамино. Все мамино. [Б, жен, 30] Ну конечно. [А, жен, 40] И конечно / жену подобрать очень трудно [31] // [№ 1, муж] Ну что / **внедрим** что ли пивка? [№ 2, муж] нет / я сегодня воздержусь. [№ 1, муж] А что так? Что-то на тебя не похоже [Там же].

(2) Повседневные дискурсы отличает сложившийся характер **ролевого распределения**.

В отсутствие стремления «завоевать» ролевые позиции субъект дискурса использует прямые субъектные формы выражения ролевой дифференциации. Субъект дискурса, позиционирующий себя как «лидер» («родитель», «старший», «осведомленный» и под.), активно привлекает глаголы в повелительном наклонении (*сначала думай, а потом говори; не бери пример с...*), в том числе – повелительно-запретительные конструкции (*не смей так говорить; не вздумай этого делать*), используются особые – субъектные – формы прямой оценки «неосведомленного» собеседника (*А ты прямо в этом разбираешься! // Ты ничего в этом не понимаешь! // Откуда тебе знать, что...*), личные местоимения 1 лица в функции подлежащего при выражении собственной позиции, особые формы самооценки (*Я знаю, как... // уж я-то, понимаю, как... // Долгую жизнь я прожил, много повидал...*) и под.

Активность прямых средств оценки интерпретируемой реальности определяется в повседневных дискурсах стабильностью ролевого положения говорящего (комфортность дискурса определяет активность реализации ролевой позиции). Оценочные модусы (как ведущие в дискурсах рассматриваемого типа) в соответствии с ролевой лидерской позицией говорящего приобретают конфигурацию категоричности, дидактичности, «воспитательности» и под. Это выражается не только в высокой частотности собственно-оценочных средств, но и в их особом отборе: использовании полярных в содержательном отношении оценочных номинаций, предпочтении средств эмоциональной оценочности и под.

Так, снисходительно-оценивающий, «воспитательный» модус проявляется в общении представителей старшего и младшего поколений: *Был урок – Вавилонская башня, иишо не убедились. Вот, а теперь что? Неправильно эта политика идёт, неправильно. Нельзя так делать. И иишо можно так сказать... Теперь каждый человек это понимает... На земли **порядка нету**, теперь **хлеба не сеем**, ничё... ну пусть там где-то что-то, а здесь хоть бы животноводство можно держать ведь – **всё прекратили**. Да не только здесь, дак **и по всей России. Всё-всё** [31]. Категоричность и эмоциональность проявляются в использовании прямых оценочных средств (*неправильно*), негативно-ориентирующих риторических вопросов (*...а теперь что?*), обобщенных характеристик негативных ситуаций (*иишо не убедились; порядка нету; хлеба не сеем; всё прекратили*), конструкций долженствования (*Нельзя так делать*) и др.*

Ролевая позиция «обладателя знания» формирует модус дидактический: *Вот в Троицу тожо **нельзя выгонять** скотину. **Надо** если дак уж, до Троицы **выгнать**. Или после Троицы **выгонять** скотину на пастбищё* [31]. Катего-

ричность оценки выражена в использовании конструкций долженствования (*нельзя выгонять; надо выгнать*).

(3) Открытый характер **информационной структуры** личностно-ориентированного общения предполагает его обращение к диктумному содержанию как институционального, так и бытового характера. При этом образ правильной речи, формируемый субъектом повседневных дискурсов при трансляции институционально заданного содержания, значительно меньше, чем в неповседневных дискурсах (см. далее), зависит от модусов источника, выраженных в нем определенными стилистическими средствами. Кроме того, в повседневных дискурсах стилистические ресурсы институциональных дискурсов достаточно активно используются при выражении бытового содержания, подвергаясь при этом активной содержательной трансформации.

Стилистические принципы, заданные институциональным источником для выражения выработанного в нем содержания, в повседневных дискурсах могут (а) игнорироваться; (б) трансформироваться; (в) сохраняться.

(а) Игнорирование стилистических принципов формальности источника при передаче институционально заданного содержания проявляется в активном использовании речевых средств неформального общения (сниженная лексика, разговорные конструкции, нарочитое использование номинаций, активизирующих бытовые смыслы, использование оценочных средств, содержание которых не соответствует оценке источника, и под.). Так, в приведенном тексте говорящий интерпретирует содержание романа Э.М. Ремарка «Три товарища»: *Ну он да / он... (пропуски заменяют нецензурные лексические единицы. – И.Т.) стимулирует такой // Дома есть "Три товарища" / где три **чувака** вернулись с войны после первой мировой короче // ... / Германия просто разрушена вся на ... там // полный ... творится / там **пивные** путчи ... / **мордобой** на улицах / бунты короче // расстрелы ... / ну го... голодовка голодовка ... в смысле что ... **жрать нечего** короче / кризис в стране экономический [31]. Стилистические принципы самого текста-источника, принципы передачи художественного текста и принципы передачи исторически значимого содержания, отработанные в институциональных дискурсах, субъектом повседневного общения игнорируются. При этом активно используются стилистические средства неформального общения: жаргонные и просторечные номинации (*три чувака, мордобой, жрать нечего*), номинации, актуализирующие бытовое восприятие институционально значимых событий (*пивные путчи*), нецензурная лексика и др.*

(б) В комфортном повседневном общении активно проявляются креативные субъектные интенции, выраженные в особом – непрямом, интерпретативном – использовании речевых средств, в том числе речевых средств институциональных источников, созданных в них для фиксации институционально заданного содержания. В результате стилистические средства институциональных дискурсов (как дискурсов с более высоким уровнем формальности общения) подвергаются функциональной трансформации, например используются в иронической функции при выражении бытовых смыслов: *А. ...Которому я можно сказать сам того не желая/ отомстить не отомстил но воздал по его делам вот в «Литературной России»... [33] // [Об игрушке «железная дорога»] Б. – Вот пойдешь работать и купишь себе// А. –*

Будет ли в надежде на светлое будущее? // Б. – Сразу иди работать на железную дорогу// [32]. В основе использования выделенных стилистических средств – зеркальная трансформация образа правильной речи (субъект намеренно формирует образ «неправильной» речи), что является одним из стилистических качеств повседневного общения.

(в) Сохранность отдельных стилистических элементов институциональных дискурсов в повседневном общении определяется в основном интенцией передачи институционально заданного содержания: рассказ об институционально значимых событиях, потребность в номинировании институционально значимых реалий, не имеющих общеупотребительных аналогов, и под. При этом в речевом стиле повседневного общения рассматриваемые элементы занимают подчиненную позицию, а организация речевой формы в целом соответствует принципам неформального общения: *[продолжает рассказ о своей защите] [№ 1, муж, 40] Вот. Ну / слушай что дальше значит. Ну я ему... он зачитал / я ему ответил / он сказал три четыре фразы на мой ответ / и сел. Потом второй оппонент значит* *начинает / я [пауза] толкаю [пауза] председателя / [мэ?]* "Алексей Семеныч / тут вот написано / что **мнение зависит... суждение зависит** от того как я отведу / как мол я его **удовлетворил своими ответами?** Он же не сказал в сущности». *Значит кончил второй оппонент / Пигарев обращается к этому самому... к Машовцу / "Владим Петрович / вот тут у вас сказано то-то и то-то / как вы считаете / диссертант ответил на ваши вопросы?" Он сказал "да / я считаю что ответил". Ну и тут у меня камень с души свалился... [№ 6, муж, 30] Да уж* [31, 33]. В данном тексте стилистические средства формального общения в основном используются для номинирования смыслов, выработанных институциональным дискурсом, опыт участия в котором представляет говорящий (*зачитал; второй оппонент; диссертант* и др.). В основном среди них отдельные лексические единицы и словосочетания, развернутые формально-стилистические конструкции (*диссертант ответил на ваши вопросы* и под.) используются только в цитатных высказываниях. В целом же организация рассматриваемой речевой формы подчиняется стилистическим принципам неформального общения, диктуемым повседневным дискурсом: активно используются личные формы местоимений (*Ну я ему...*), неформальные средства прямого обращения к собеседнику (*Ну / слушай что дальше значит*), разговорные местоимения и частицы (*то-то и то-то; мол*), средства разговорной фразеологии (*тут у меня камень с души свалился*) и под.

Специфику стиля **неповседневных** личностно-ориентированных дискурсов определяет субъектная установка на восстановление дискурсивного порядка, формирующаяся в условиях нарушения привычных сценариев общения.

(1) Изменение **условий общения** и формирование признаков дискомфорта общения, определяющих переход от повседневности к неповседневности, сопровождается повышением уровня субъектного речевого контроля при организации речи: повышением частотности использования метатекстовых средств оценки речевых средств в аспекте их уместности/неуместности (*здесь лучше сказать...; как бы грамотно выразиться...; простите за базарное выражение, но это называется...; выражаясь простым языком...*), точности/неточности номинирования (*правильнее будет сказать...; как бы это вернее выразить...*); авто-

ритетности/неавторитетности (*специалисты называли бы это...; как умные люди говорят...; официально это бы прозвучало как...*) и под., различных средств hesitation, отражающих процесс подбора речевых форм. В таких условиях субъект проявляет особое предпочтение в выборе речевых средств, которое отдается средствам, с его точки зрения, формального общения – стилистическим ресурсам институциональных дискурсов, которые способствуют повышению уровня речевой безопасности в силу социальной авторитетности их источника: [№ 1, муж, 32] *Ну / я так... понимаю... в смысле / думаю / что все-таки перепись населения / основная ее задача направления переписи населения / это... полностью ревизия населения / для того / чтобы... как я уже раньше говорил / более грамотно и оптимально вести... проводить социальную политику* [31].

(2) В повседневных дискурсах незавершенность **ролевого распределения** не предлагает стабильных социально-ролевых позиций (лидер, знаток в определенной области и под.) и нейтрализует идентифицируемые социально значимые индивидуальные характеристики собеседника (гендерные, возрастные и под.). Это реализуется в формировании субъектом особого образа правильной речи и выражается в специфике стиля.

Находясь в состоянии адаптации к дискурсу, субъект оказывается ограниченным в использовании отработанных в повседневных дискурсах субъектных средств прямого выражения позиции «осведомленного»: ограничение накладывает незавершенность процессов статусно-ролевого распределения.

Субъект дискурса, находящийся в дискомфортных условиях незавершенного ролевого распределения, при попытке обозначить себя как «лидера»/«знатока» чаще использует не прямые, несубъектные формы выражения ролевой дифференциации, за которые «прячется» субъект в отсутствие речевой безопасности. К ним относятся безличные конструкции с возвратными глаголами с семантикой предположительности и личными местоимениями в косвенном падеже (*мне думается; мне кажется*), модальные конструкции в значении вероятности (*вероятно; возможно*), различным образом оформленные ссылки на источники (*как это обычно говорится; как вон по телевизору сказали; в одной умной книге написано*) и др.

Стремление субъекта представить себя наиболее выгодным образом реализуется не только за счет аргументативной структуры высказывания, не только за счет содержания аргументов, но и за счет повышения статуса продуцируемого им речевого произведения, что обеспечивается описанными выше способами реализации речевого контроля (особым предпочтением в выборе речевых средств, использованием метатекстовых средств оценки выбранных речевых средств, предпочтением в использовании средств формального общения и т.д.): *...А сейчас в нашей деревне молодежи маленькая **количества** (СГ*); [...Почему в вашей бригаде остается много демобилизованных воинов?] –/.../ Ну, и затем то **количество** воинов, которые попадают в бригаду, они сразу попадают, **так надо сказать, ну, в такой объем внимания, что ли, или как там** [31]; // *Поппадают иногда экземпляры. Но чтобы такое произведение хорошее, мне один только экземпляр достал, Достоевского**

* СГ – здесь и далее: записи текстов, собранных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобских говоров (60–80-е гг. XX в.).

и все, и его прочитаю, а так – нет, если его постоянно читать, понимаешь смысл того времени, а так, если ты... Ну, так, **не могу сформулировать**, очень мало **из этой, из того** поколения писателей читал. /.../ Я читаю все эти книги, которые мне попадают **вот так**, ну, которые **засчитываются**, **не знаю, как это сказать**, **ну это, ну**, разнообразную литературу, **какая мне** попадет, **ну**, интересные романы, рассказы, повести, **ну**, которые относятся к сегодняшнему времени [34].

(3) Стиль неповседневных личностно-ориентированных дискурсов в большей степени, чем стиль дискурсов повседневных, зависит от характера их **информационного содержания**.

Речевая форма неповседневных дискурсов, содержательно направленных на институционально значимую информацию, более последовательно ориентируется на стиль дискурса, являющегося онтологическим источником этой информации. Формируя образ правильной речи и руководствуясь при этом заданной дискурсом интенцией повышения статуса речевого произведения, субъект в качестве «правильного» способа говорения выбирает тот, который был задан в источнике его институционального опыта. В качестве иллюстрации рассмотрим пример, содержание которого онтологически связано с политическим дискурсом: *Мне кажется / **двухпартийная система вполне достаточна для России. А лучше вообще без партий. Это только лишняя трата средств.** [Светлана:] Сюда **нельзя вкладывать плановые данные. Всё должно определяться людьми. Партия должна регистрироваться только тогда /когда у неё **определённое количество членов.** А 2/ 3/ 4/ это уже детали** [31].* В приведенном тексте корректность представления субъектами неповседневного личностно-ориентированного дискурса собственной позиции верифицируется использованием отработанных в дискурсе-источнике стилистических средств представления политически значимого объекта (*двухпартийная система; регистрация партии; члены партии*). Оценочный модус политического дискурса сохраняется в средствах оценки этого объекта, реализованных в виде безличных и пассивных конструкций, представляющих эту оценку как социально значимую, с позиции социальной группы (*лучше вообще без партий; нельзя вкладывать плановые данные; Всё должно определяться людьми; Партия должна регистрироваться...*). Ощущение собственного участия в борьбе политических сил также реализуется субъектом в использовании форм долженствования (*нельзя; должно*). Активно проявляется и свойственный политическому дискурсу модус категоричности, выраженный в указанных формах долженствования, а также в других дискурсивно-стилистических средствах, например в использовании оценочных прилагательных и наречий (*лучше, лишняя*), усилительно-ограничительных наречий и частиц (*вовне, вообще, только*) и др. Кроме того, для повышения статуса речевого произведения активно используются средства стиля дискурса документа – как прототипического для официального общения, реализующие модус официальности (*трата средств; плановые данные; определённое количество членов*).

Таким образом, низкий уровень формальности, вариативность принципов и средств организации стиля личностно-ориентированных дискурсов, отличающие его от стилей дискурсов институциональных, определяет особую

активность реализации в нем инодискурсивных стилевых влияний, характер их стилистической трансформации.

Названные свойства стиля личностно-ориентированных дискурсов реализуются различным образом в дискурсах повседневных и неповседневных.

Стиль повседневных дискурсов отражает отработанность сценариев личностно-ориентированного общения. Его формирование осуществляется при минимальном уровне субъектного речевого контроля. В результате средства стилистической формальности – как результат проникновения инодискурсивных речевых форм – используются в нем не частотно и в основном подвергаются активной функциональной трансформации.

Стиль неповседневных дискурсов формируется на основании субъектной установки на восстановление дискурсивного порядка, что предполагает повышение уровня речевого контроля. Формальность речи воспринимается субъектом как отражение институционально поддержанного социального авторитета. В результате субъект, руководствуясь стремлением повысить авторитет собственного речевого произведения, необходимый для обеспечения речевой безопасности, значительно более активно, чем в повседневных дискурсах, привлекает стилистические средства и способы стилистической организации институциональных дискурсов. Несмотря на то, что эти средства и способы активно взаимодействуют со средствами и способами неформального стиля, уровень формальности речи при переходе от повседневного общения к неповседневному повышается.

Литература

1. Leech G. Language in Literature: Style and Foregrounding. Longman Pub Group, 2008. 222 p.
2. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010. С. 15–84.
3. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211.
4. Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2008. С. 6–11.
5. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 465 с.
6. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 337–383.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
8. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Текстовое пространство дня города и дня рождения вузов: к проблеме праздничного миромоделирования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 2. С. 11–22.
9. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 5. С. 24–32.
10. Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 409 с.
11. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 458 с.
12. Кожина М.Н. Функциональный стиль (функциональная разновидность языка) // Речевое общение: (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. 2006. Вып. 8–9 (16–17). С. 150–154.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

14. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопр. языкознания*. 2009. №2. С. 3–21.
15. Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // *Текст – Дискурс – Стиль*: сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–33.
16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
17. Орлова О.В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М.Н. Кожиной // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2013. №4 (24). С. 19–25.
18. Приходько А.Н. Таксономические параметры дискурса // *Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альм.* / под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 22–29.
19. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века*. М., 1995. С. 35–73.
20. Хаззагеров Г.Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля) // *Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альм.* Вып. 3. Ставрополь, 2005. С. 13–22.
21. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: URSS, 2005. 124 с.
22. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы*. СПб., 2007. С. 7–26.
23. Кутайгородская М.В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
24. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of PA Press, 1972. P. 354–396.
25. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. P. 696–735.
26. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 348 с.
27. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
28. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
29. Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2011. № 4 (16). С. 41–52.
30. Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2014. № 5 (31). С. 38–52.
31. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
32. Живая речь уральского города. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
33. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 306 с.
34. Русская разговорная речь европейского северо-востока России: сб. текстов / под ред. Н.С. Сергиевой, А.С. Герда. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1998. 158 с.

THE STYLE OF PERSONALITY-ORIENTED DISCOURSES AS A SPHERE OF STYLISTIC INFLUENCE OF OTHER DISCOURSES.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 108-123.

DOI: 10.17223/19986645/37/9

Tubalova Inna V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

Keywords: discourse, discourse style, personality-oriented discourse.

The article considers the features of the personality-oriented discourse style determined by the use of other discourse speech forms in it.

The style of discourse, a result of the choice of means and methods of speech organization a subject makes, is formed (1) on the basis of **discursive intentions, conditions and the role structure of communication**, as a result of specific activity frames, and (2) on the basis of the **experience** of a **subject's** participation in the practices of other discourses, as a result of the use of their speech experience in other discourses.

The style of discourse is a stereo-model in which the meanings dictated by a situational discourse interact with the meanings of speech fragments synthesized in other situational discourses.

Experience of participation in other discourses, on the one hand, is unique for each subject; on the other had, it is social. In concrete discourse experience of a speech form, social components of experience are individualized, which results in a specific style of a situational discourse.

The style of personality-oriented discourses is formed as a result of these extra-discursive factors determined by the intention aimed at off-institutional communication as such.

The specificity of the style of situational personality-oriented discourses is regulated by the type of subjective intention that refracts the national and cultural principles of everyday communication, and by the discourse subject's position in the discourse. Discourses can be **everyday** (participation in it has a **routine, habitual** character) and **non-everyday (non-habitual)** speech activity based on a breach of the regular communication mode).

Stylistic principles of everyday and non-everyday personality-oriented discourses are different.

The style of everyday discourses reflects the mastered scenarios of personality-oriented communication. It is formed at the lowest level of subjective speech control. As a result, stylistic formality means, signs of other discourse speech forms penetration, are not frequent, and they are subject to active functional transformation.

The style of non-everyday discourses is formed on the basis of a subjective aim to restore the discourse order, which involves raising the level of speech control. Speech formality for the subject reflects the institutionally supported social authority. As a result, the subject, guided by a desire to improve the credibility of their own speech product necessary to ensure speech security, uses stylistic means and methods of institutional discourse stylistic organization much more actively than in everyday discourses. Despite the fact that these means and methods actively interact with the means and methods of informal style, the level of speech formality increases in the transition from everyday to non-everyday communication.

References

1. Leech, G. (2008) *Language in Literature: Style and Foregrounding*. Longman Pub Group.
2. Rezanova, Z.I. (2010) Diskursivnye kartiny mira [Discursive world pictures]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: contemporary media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
3. Dijk, T.A. Van & Kinch, W. (1988) Strategii ponimaniya svyazannogo teksta [Strategies of connected text comprehension]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 23. pp. 153–211.
4. Kibrik, A.A. (2008) Obosnovano li ponyatie "Diskurs SMI"? [Is the concept "media discourse" justified?]. In: Pastukhov, A.G. (ed.) *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in academic and media discourse]. Orel: OGIK.
5. Orlova, O.V. (2012) *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta* [Discursive-stylistic evolution of media concept]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
6. Seriot, P. (1999) Russkiy yazyk i sovetskiy politicheskiy diskurs: analiz nominalizatsiy [Russian language and Soviet political discourse: analysis of nominalization]. In: Mazo, V.D. (ed.) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The area of meaning: The French school of discourse analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress.
7. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [The semiotics of political discourse]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
8. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2009) Text space of City Day and Higher School Birthday: on the problem of holiday world modelling. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2. pp. 11–22. (In Russian).
9. Bazhenova, E.A. (2009) Discourse-stylistic approach to the research of scientific texts. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 5. pp. 24–32. (In Russian).
10. Mishankina, N.A. (2010) *Lingvokognitivnoe modelirovanie nauchnogo diskursa* [Linguocognitive modeling of scientific discourse]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
11. Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klore: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modeling in contemporary folk songs: cognitive discourse analysis]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
12. Kozhina, M.N. (2006) Funktsional'nyy stil' (funktsional'naya raznovidnost' yazyka) [Functional style (functional variety of language)]. *Rechevoe obshchenie (Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya). Spetsializirovanny vestnik*. 8–9 (16–17). pp. 150–154.
13. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

14. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classifying discourses]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–21.
15. Kozhina, M.N. (2004) Diskursnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy [Discourse analysis and functional stylistics in terms of speech studies]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text – Discourse – Style]. St. Petersburg: SPbGUEF.
16. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: Gnozis.
17. Orlova, O.V. (2013) The correlation problem of style and discourse concepts in linguistics in the beginning of the 21st century in the context of M. N. Kozhina's ideas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 19–25. (In Russian).
18. Prikhod'ko, A.N. (2009) Taksonomicheskie parametry diskursa [Taxonomic parameters of discourse]. In: Manaenko, G.N. (ed.) *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. Is. 7. Stavropol: PGLU.
19. Stepanov, Yu.S. (1995) Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, discourse, fact and principle of causality]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow: IYA RAN.
20. Khazagerov, G.G. (2005) V poiskakh novoy diskursivnoy stilistiki (o slabostyakh funktsional'no-stilisticheskogo podkhoda i perspektivnosti ritoricheskikh teoriy stilya) [In search of a new discursive stylistics (on the weaknesses of the functional-stylistic approach and on prospects of rhetorical theories of style)]. In: Manaenko, G.N. (ed.) *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. Is. 3. Stavropol: PGLU.
21. Chernyavskaya, V.E. (2005) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [The interpretation of the scientific text]. Moscow: URSS.
22. Chernyavskaya, V.E. (2007) Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: Intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost' [Open text and open discourse: Intertextuality – discursivity – interdiscursivity]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Text Linguistics and discourse analysis: traditions and perspectives]. St. Petersburg: SPbGUEF.
23. Kitaygorodskaya, M.V. (2005) *Rech' moskvichey: kommunikativno-kul'turologicheskiy aspekt* [Muscovites' speech: communicative and cultural aspect]. Moscow: Nauchnyy mir.
24. Labov, W. (1972) The Transformation of Experience in Narrative Syntax. In: Labov, W. *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of PA Press.
25. Sacks, H., Schegloff, E.A. & Jefferson, G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn–talking for conversation. *Language*. 50(4):1. pp. 696–735.
26. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Lebedeva, N.B. et al. (2011) *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing: Student graffiti, marginal pages of notebooks, private notes]. Moscow: KRASAND.
28. Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursivnykh smesheniy* [The newspaper and the novel: Rhetoric of discursive fusions]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
29. Tubalova, I.V. (2011) Spetsifika organizatsii diskursov povsednevnosti [The specifics of the organization of everyday life discourses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (16). pp. 41–52.
30. Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 38–52. (In Russian).
31. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru.
32. Borisova, I.N. et al. (1995) *Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Teksty* [Live speech of a Ural city. Texts]. Ekaterinburg: Ural State University.
33. Zemskaya, E.A. & Kapanadze, L.A. (eds) (1978) *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Moscow: Nauka.
34. Sergieva, N.S. & Gerd, A.S. (eds) (1998) *Russkaya razgovornaya rech' evropeyskogo severo-vostoka Rossii: Sbornik tekstov* [Russian colloquial speech of the European North-East of Russia: Collection of texts]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.